

О.П. Еланцева, О.А. Трубич*

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ПЕРИОД В СТАНОВЛЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА Н.В. КЮНЕРА, ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИСТОРИКА-ВОСТОКОВЕДА

В статье рассматривается дальневосточный период (1900–1925 гг.) научной и преподавательской деятельности Николая Васильевича Кюнера, выдающегося специалиста в области истории стран и народов Дальнего Востока. Авторы анализируют ценные идеи Н.В. Кюнера, высказанные им в 1906–1916 гг., о повышении качества преподавания и расширении спектра учебных исторических дисциплин за счет изучения Сибири, Приамурского края, Маньчжурии, прослеживают их дальнейшую реализацию. Источниковой базой статьи послужили новые исторические документы, извлеченные из фондов российских архивов.

Ключевые слова: Н.В. Кюнер, высшее образование, историческое образование, история стран Дальнего Востока, Восточный институт

Far Eastern period in the academic career of Professor N.V. Kyuner, an outstanding orientalist and historian. OLGA P. ELANTSEVA, OLGA A. TRUBICH (Far Eastern Federal University)

The article examines the Far Eastern period (1900–1925) in research and teaching activities of Nikolai Kyuner, an outstanding specialist in the history of Far Eastern countries and peoples. The authors analyze his valuable ideas of 1906–1916 on improving the quality of teaching and expanding the range of historical disciplines through the study of the history of Siberia, Amur region and Manchuria, tracing their further implementation. The article is based on a range of new archival documents from several central and regional Russian archives.

Keywords: N.V. Kuner, higher education, history education, history of Far Eastern countries, Oriental Institute

Приближающееся столетие высшего исторического образования на Дальнем Востоке России дает весомый повод с благодарностью вспомнить Николая Васильевича Кюнера (1877–1955), выдающегося историка-востоковеда, первого профессора кафедры историко-ге-

ографических наук на Дальнем Востоке. В 1900 г. проездом в Японию он посетил Владивосток, в штат Восточного института вошел в 1902 г., проработал во Владивостоке почти четверть века – до октября 1925 г. Российская историография имеет некоторое число публи-

* ЕЛАНЦЕВА Ольга Павловна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

ТРУБИЧ Ольга Анатольевна, старший преподаватель кафедры образования в области романо-германских языков Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.

E-mail: trubich.oa@dvfu.ru

© Еланцева О.П., Трубич О.А., 2018

каций о Н.В. Кюнере, однако владивостокский период его жизни и деятельности рассматривается очень скудно, хотя и признается, что в это время плодотворно развернулась его педагогическая деятельность; здесь он сформировался как ученый-востоковед широкого профиля [9; 10; 27; 28]. Некоторые авторы обращаются к его неопубликованным трудам [30].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, опираясь на исторические источники, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, реконструировать этапы становления и деятельности Николая Васильевича Кюнера как специалиста по истории Дальнего Востока, профессора, ученого с мировым именем.

Путь в профессию Восточного института

Несомненно, серьезная основа для становления будущего историка Николая Васильевича Кюнера формировалась уже во время его учебы в третьей Санкт-Петербургской гимназии – ари-

стократическом учебном заведении столицы, в котором получали образование дети очень состоятельных родителей (например, Шереметевых) – сыновья профессоров, инженеров, врачей, коммерсантов. Н.В. Кюнер родился в семье композитора, учителя музыки и пения. В аттестате, выданном в 1896 г. по окончании гимназии, подчеркивалось не только то, что за все время пребывания в ней поведение Николая Кюнера «вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также исполнении письменных работ – отличная», но и то, что безупречным было прилежание, а любознательность – «очень живая» (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, далее – ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32523. Л. 2, 2об.). По всем изучаемым предметам Николай Кюнер имел «познания и успехи отличные». Учтивывая все это совет учебного заведения постановил наградить Николая Кюнера золотой медалью (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32523. Л. 3).

Рис. 1. Н.В. Кюнер перед поступлением в Санкт-Петербургский университет. 1896 г.

Летом 1896 г. выпускник гимназии подал прошение ректору Императорского Санкт-Петербургского университета: «...Имею честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о принятии меня на восточный факультет по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду». В этом же документе содержалось и обязательство будущего студента «во все время пребывания ... в Университете подчиняться правилам и постановлениям университетским» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32523. Л. 1).

Известно, что выбор профессии во многом зависит от индивидуального стечения обстоятельств. У Н.В. Кюнера в университете они сложились благоприятно. Первые два года учебы он занимался под непосредственным руководством ученого-монголовода, профессора А.М. Позднеева¹. Летом 1897 г. вместе с ним совершил поездку в калмыцкие степи Астраханской губернии, где знакомился с бытом азиатских кочевников. Однако болезнь (снижение слуха) заставила Николая Кюнера несколько изменить учебные и научные ориентиры. С третьего курса он, «с отменным трудолюбием и плодотворностью для своего ума» [5, с. LIV], приступил к активному изучению истории и географии Восточной Азии под руководством профессора Н.И. Веселовского², демонстрировал как «вполне основательные познания в важнейших европейских языках», так и «умение пользоваться ... источниками», в данном случае – восточными, что было особенно важно для становления историка-востоковеда (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, далее – АВ ИВР РАН. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 3).

Кюнер учился в университете с 1896 по 1900 гг. За это время прослушал курсы лекций А.М. Позднеева и К.О. Голстунского по монгольскому языку и калмыцкой словесности, Д.А. Пещурова, А.О. Ивановского и В.И. Васильева по китайскому языку, Н.И. Веселовского по истории Востока и др.; посещал установленные учебным планом практические занятия,

сдавал зачеты и экзамены. В этой связи отметим заинтересованное, требовательное внимание семьи Кюнеров к учебе своих детей и внуков. В ЦГИА СПб сохранилась такая записка отставного надворного советника К. Березкина, деда Николая Кюнера по материнской линии: «Сим имею честь уведомить инспекцию Санкт-Петербургского университета, что внук мой, Николай Васильевич Кюнер болен с 12 октября сего года. 25 октября 1896 г.» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32523. Л. 46).

Студент Николай Кюнер находил время и силы участвовать в общеуниверситетских научных мероприятиях, например, в творческих конкурсах. 31 января 1900 г. Совет Санкт-Петербургского университета удостоил наград сочинения, представленные на темы, предложенные годом раньше, в феврале 1899 г. От факультета восточных языков поступило несколько работ. Золотую медаль получило сочинение по истории Востока на тему «Историко-географический очерк Японии» под девизом «Ex oriente lux» (С востока идет свет). Оно было выполнено студентом 7-го семестра указанного факультета Николаем Кюнером [26, с. 25, 30]. Молодой человек признавал, что над сочинением «порядком-таки потрудился» (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 27, 27об.). Достаточно красноречиво это подтверждает объем конкурсной работы – 192 страницы [14]. Выпускнику столичного вуза было «очень досадно, что не пришлось получить своей медали в торжественной обстановке актового зала [Санкт-Петербургского университета]»³, что ее «выдали просто в канцелярии самым прозаическим образом» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 27, 27об.).

Николай Васильевич Кюнер вышел из университета с дипломом первой степени. По оценке А.М. Позднеева, он являлся «способнейшим и лучшим» из всех, окончивших в 1900 г. курс по китайско-маньчжурско-монгольскому отделению факультета восточных языков [5, с. LIV]. Именно его директор Восточного института «присмотрел» и привлек как «достойного и специального представителя» для кафедры исторических наук. Заранее, еще в 1899 г., данный вопрос А.М. Позднеев обсудил с министром народного просвещения Н.П. Боголеповым [5, с. LIV].

¹ Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920) – востоковед, монголовед, доктор монгольской и калмыцкой словесности, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, с 1899 по 1903 гг. директор только что открытого Восточного института во Владивостоке.

² Веселовский Николай Иванович (1848–1918) – выдающийся археолог, востоковед, изучавший историю и археологию Средней Азии, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета.

³ Из-за сильного шума, поднятого присутствующими студентами, торжественное заседание было закрыто.

Рис. 2. Н.В. Кюнер – выпускник Санкт-Петербургского университета.

О подготовке студента-старшекурсника к профессиональной деятельности историка в Восточном институте во Владивостоке красноречиво говорит не только тема его конкурсного сочинения, но и его письмо и сопроводительные документы, направленные А.М. Поздневу. Они датированы 3 марта 1900 г. Несомненный интерес представляют две редакции прошения на имя руководителя владивостокского вуза с неизменной их главной сутью: «Оканчивая в нынешнем году курс восточных языков в Императорском С[анкт]-Петербургском университете, покорнейше прошу Ваше Превосходительство определить меня на службу в подведомственный Вам Институт по кафедре истории и географии (общей и коммерческой) Востока» (АВ ИВР РАН. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 1).

Важнейший факт заключал другой документ, адресованный А.М. Поздневу профессором Н.И. Веселовским. Николай Иванович характеризовал своего ученика следующим образом: «Такие работники, как ... Кюннер, появляются у нас не часто и далеко не все они выбирают ученую карьеру, поэтому следует, мне кажется, чтобы этот молодой человек вышел на тот путь, к которому он, по-видимому, чувствует склонность и призвание. Все ручается, что в лице Кюннера востоковедение должно приобрести в высшей степени полезного деятеля» (АВ ИВР РАН. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 3, 3об.).

Нацеленность студента на серьезную и ответственную подготовку к работе в Восточном институте подтверждает его личное письмо А.М. Поздневу. Так, Николай Кюннер не мог «теперь же», весной 1900 г., приступить к выполнению поручения директора Восточного института и заняться изучением Кореи. Он объяснял причину: «К сожалению, это для меня в настоящую минуту совершенно немисливо в виду приближающихся экзаменов; но после окончания их я с удовольствием позаймусь Кореей в течение месяца, который будет в моем распоряжении» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 28–28об.).

Далее молодой человек замечал: «Я рассчитываю найти у вас все необходимые пособия для составления моих лекций, т. к. мои средства, конечно, не позволяют мне обзавестись ими на свой собственный счет⁴. В отношении

Японии я спокоен, т. к. я дал вам перед отъездом список нужных ... книг по Японии, а вот относительно Китая и Кореи я не располагаю нужной опытностью, чтобы брать на себя смелость указать лучшие пособия, но надеюсь, что ваши товарищи, а мои будущие сослуживцы сделали все необходимые шаги в этом направлении» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 28об.). Николая Кюннера беспокоили и организационные вопросы. Он обращался к А.М. Поздневу: «Прошу вас дать мне знать, когда вы пошлете мое прошение к Министру и указать вашему покорнейшему слуге, что я должен еще предпринять для моего назначения к вам... Мне еще никогда не случалось хлопотать по канцеляриям, а потому все это представляется мне полнейшей terra incognita и я боюсь что-нибудь напутать» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 28).

В свою очередь, руководство и профессорско-преподавательский состав Восточного института способствовали профессиональному становлению выпускника столичного университета. Пока историко-географическая кафедра, предполагавшаяся для Николая Васильевича Кюннера, оставалась вакантной, часть ее учебной нагрузки взял на себя директор А.М. Позднев. Чтение лекций по новейшей истории Китая, Кореи и Японии временно было возложено на исполняющего должность профессора китайской словесности Аполлинария Васильевича Рудакова.

Н.В. Кюннеру предстоял большой труд, связанный с практическим изучением стран Дальнего Востока, знакомством с их языками и подготовкой новых учебных курсов. Конференция Восточного института на заседании 23 февраля 1900 г. сочла целесообразным просить Приамурского генерал-губернатора ходатайствовать перед министром народного просвещения о командировании Николая Васильевича Кюннера с «ученой целью» в Китай, Корею, Японию сроком на один год, начиная с июня 1900 г., и о назначении ему повышенной стипендии в три тысячи рублей «из кредита, предназначенного на приготовление профессоров для Восточного института» [5, с. LV].

Хлопоты заняли более четырех месяцев и завершились 7 июля 1900 г., когда российский император Николай II по Всеподданнейшему докладу министра Н.П. Боголепова «соизволил на командирование» Кюннера с 1 июля 1900 г.

та – младшие. В отношении Николая Кюннера к учебе и порученному делу всегда проявлялась его ответственность перед родителями, сестрами и братьями.

⁴ В семье Вильгельма Фридриха Кюннера и его жены Марии Кузьминичны (урожденной Березкиной) воспитывались шестеро детей. Старше Николая была только сестра Александра; остальные дети – Борис, Данил, Елизавета-София и Елизавета – младшие.

по 1 июля 1901 г. (Российский государственный исторический архив, далее – РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 170. Л. 30).

Таким образом, только в середине лета 1900 г. положительно решил вопрос о зарубежной поездке Н.В. Кюнера. На его вопросы, когда и как он должен выехать во Владивосток, директор А.М. Позднеев телеграфировал: «Торопитесь ехать Сибирью путь свободен безопасен» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 14). Торопиться нужно было, так как, несмотря на открытие движения поездов по участкам Транссибирской дороги, преодоление расстояния от Москвы до Владивостока занимало почти 40 суток, а то и более [11, с. 200].

В Японию задержанный в пути на пароходе в пределах Амурской области будущий профессор прибыл лишь во второй половине октября 1900 г.; в начале ноября смог приступить к исследованию этой страны [7, с. 213]. Скоро стало ясно, что в течение нескольких оставшихся месяцев нереально выполнить обширные планы зарубежной командировки. Конференция Восточного института вновь пришла на помощь и добилась ее продления еще на год [7, с. 213–214].

Востоковедческий вуз во Владивостоке заинтересованно относился к командировке своего будущего сослуживца, но при этом не считал возможным составить для него подробный и точный маршрут, чтобы не стеснять какими-то жесткими рамками. Коллеги корректировали зарубежное пребывание Кюнера, получая от него письма. Так, в ноябре 1900 г. Николай Васильевич сообщал в институт, что на некоторое время останавливался в Моцзи, Кобе, Осака, а свою главную квартиру решил обосновать в Йокогаме и оттуда, по мере необходимости, ездить в Токио. Йокогама привлекала его более тихим и спокойным ритмом жизни, значительными материальными преимуществами, большим числом европейцев, удобством для всякого рода экскурсий вглубь страны и возможностью «наблюдать туземную часть города».

Письмо Кюнера, зачитанное на очередном заседании Конференции Восточного института [6, с. 187–189], вызвало вопросы и предложения. У А.М. Позднеева сложилось впечатление о значительных затратах времени молодым ученым на тщательное ознакомление с европейской литературой в Японии, что не могло «особенно служить к пользе дела. Изучать европейских авторов-исследователей Японии возможно и дома, сидя у себя в кабинете» [6, с. 187].

Полезные суждения высказал Евгений Генрихович Спальвин, выпускник Санкт-Петербургского университета, в 1899–1900 гг. находившийся в командировке в Японии. Он считал, что Н.В. Кюнер для изучения истории Японии и ее современного положения «должен непременно поселиться в Токио», где работает университет с группой авторитетных профессоров-историков, функционируют библиотеки. «В Токио сосредоточена вся жизнь Японии ..., находятся все министерства с их архивами и библиотеками ... В Токио, кроме того, имеются еще несколько европейских обществ, специально занимающихся изучением Дальнего Востока и Японии». Сделать членом этих обществ, по мнению Спальвина, являлось «если не обязанностью, то прямой необходимостью для Н.В. Кюнера» [6, с. 188]. Выписку из протокола Конференции Восточного института с обсуждением письма Кюнера переслали автору для сведения.

Николай Васильевич Кюнер, учитывая советы и рекомендации, настойчиво трудился над выполнением поставленных перед ним задач. Находясь в Японии, он собирал и систематизировал материал по курсам, которые ему предстояло читать в Восточном институте. Он разработал много отдельных наиболее интересных эпизодов из истории Японии, причем занимался тем или другим вопросом не в известной последовательности (допустим, хронологической), а по мере того, как возникали эти вопросы при общем ходе его занятий. Конференция Восточного института фиксировала: он «с особенной старательностью и вниманием останавливался на политической и финансовой истории Японии и притом преимущественно за последнее время; по этому отделу знаний им собрано материалов едва ли не более, чем по всякому иному вопросу, касающемуся страны» [8, с. 176].

В период своего пребывания в Маньчжурии Н.В. Кюнер не только изучал историю этой области, особенно в южной ее части, но вместе с экспедицией А.В. Рудакова занимался разработкой мукденских архивов и книгохранилищ, что позволило ему ознакомиться с ключевыми источниками по истории региона.

Переехав в Китай, Кюнер провел значительное время в Шанхае, как пункте, сосредоточившем наибольшее число печатных и рукописных материалов, когда-либо собранных европейскими исследователями Китая. Богатейшая шанхайская библиотека открыла ему возможность разобраться во многих мало разработанных во-

просах истории [8, с. 177]. Не ограничиваясь знакомством с библиотечными ресурсами, Кюннер деятельно принялся за совершенствование своего знания китайского языка и под руководством местных учителей составил перевод одного из последних трудов по новейшей истории Китая, который должен был лечь в основу его будущего лекционного курса.

1 мая 1902 г. Конференция Восточного института, принимая во внимание, что «Кюннер может теперь уже вполне достойно и с пользой работать на кафедре», обратилась к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой ходатайствовать перед министерством народного просвещения о назначении Николая Васильевича исполняющим должность профессора кафедры исторических наук владивостокского вуза [8, с. 175–177].

Летом 1902 г. Н.В. Кюннер прибыл во Владивосток и, не дожидаясь окончания формальной процедуры своего назначения⁵, приступил к оформлению методического обеспечения учебной нагрузки по порученным институтским курсам, по мере возможности параллельно занимаясь научно-исследовательской работой.

Научные изыскания Н.В. Кюннера

Николай Васильевич стремился использовать любую возможность для сбора исторических материалов и изучения новейших публикаций, для расширения своего интеллектуального потенциала преподавателя и начинающего исследователя. Так, находясь во второй половине 1905 г. в Вене «на излечении глухоты» (прогрессирующей потери слуха) (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 94. Л. 315; Оп. 153. Д. 279. 68 и др.), в свободное время занимался в библиотеках и музеях.

Аналогичный подход он использовал, вернувшись в декабре 1905 г. из Вены в Петербург. Не сумев своевременно выехать во Владивосток, он обратился к министру народного просвещения: «... Полное прекращение всякого сообщения с Владивостоком через Сибирь⁶ поныне удерживает меня здесь, в Петербурге и, возможно, удержит меня еще надолго. Желая с пользой употребить время моего вынужденно-

го пребывания ..., я предложил воспользоваться настоящим случаем для сдачи экзаменов на магистра при Санкт-Петербургском университете» (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 96. Л. 148). Кюннер хлопотал о разрешении ему выйти к руководству факультета восточных языков с соответствующим прошением и о предоставлении полагающегося для сдачи магистерских испытаний двухмесячного отпуска.

6 февраля 1906 г. «на предварительном докладе» в министерстве народного просвещения ходатайство получило поддержку (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 96. Л. 30), однако через несколько дней Николая Васильевича уведомили о том, что товарищ министра «изволил... ходатайство отклонить, предлагая ... отправиться ныне же к месту ... службы в г. Владивосток» (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 96. Л. 57). Можно предположить, что чиновник из министерства не владел информацией о Восточном институте. Вуз, вернувшийся в конце октября 1905 г. из Верхнеудинска, где находился в эвакуации, попал в весьма нестабильную социально-политическую обстановку военно-морской крепости и вынужден был отказаться от учебных занятий в весеннем семестре 1905/1906 академического года, а студентов и офицеров-слушателей отправить в зарубежные командировки. Возобновление занятий планировалось на начало 1906/1907 учебного года. Таким образом, весной 1906 г. у профессоров и преподавателей Восточного института появилась возможность сосредоточить внимание не на аудиторных занятиях, а на иных формах работы. Н.В. Кюннер, опираясь на поддержку и.д. директора Восточного института А.В. Рудакова и коллег по учебному заведению, добился допуска к испытаниям на степень магистра и получил отпуск до 15 марта 1906 г. Описанный случай показывает, что на пути к постановленной цели Н.В. Кюннеру приходилось преодолевать серьезные препятствия.

До начала нового учебного года во владивостокском вузе оставалось полгода. Николай Васильевич обратился в Конференцию Восточного института: «По окончании магистерского экзамена я предполагал бы выехать за границу в Вену и Берлин для разработки нового моего курса истории стран Дальнего Востока и для пополнения его данными из богатых архивов и библиотек обоих вышеназванных городов». Он считал командировку важной «в интересах... более скорой подготовки к печати ... курса истории Китая» (РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279.

⁵ Высочайший приказ по гражданскому ведомству от 15 октября 1902 г. с информацией о назначении Н.В. Кюннера и.д. профессора Восточного института по географии и этнографии Китая, Кореи и Японии был опубликован [25].

⁶ Под Сибирью в то время понималась вся территория к востоку от Урала вплоть до Тихоокеанского побережья России.

Л. 68об., 69) и попутно обращал внимание на развитие курса коммерческой географии Китая «при помощи обширного статистического материала Венского Торгового Музея и Берлинского Колониального Управления» (РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279. Л. 68). По его мнению, знакомство с этим материалом, представлялось «безусловно необходимым для правильного понимания торговой политики европейских держав на Дальнем Востоке», оно было «способно пролить свет на всю историю внешних сношений Китая за последнее десятилетие». В рассуждениях Кюнера звучит и забота об актуальности знаний будущих студентов: «...Изучение это необходимо студентам Восточного института для надлежащей оценки политической роли и торгового значения различных европейских держав на месте их будущей деятельности – в Китае» (РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279. Л. 68).

Важный вопрос – об оплате командировочных расходов – Н.В. Кюнер предоставил «усмотрению Конференции». Прекрасно понимая ценность источников, которые можно собрать в ходе командировки, он, во-первых, соглашается «совершить поездку за свой собственный счет из получаемого... содержания» и, во-вторых, просит Восточный институт вести переписку с «высшим начальством» по телеграфу, чтобы можно было приступить к выполнению намеченной программы не позже второй половины марта 1906 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279. Л. 68об., 69). Из Владивостока откликнулись телеграммой в адрес министерства: «Препятствий [к] немедленному отъезду за границу [со] стороны Института нет» (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 96. Л. 89).

Николай Васильевич Кюнер с научной целью посещал Западную Европу в 1905 г., в 1906 г. и 1912 г., несколько раз с аналогичной целью бывал в странах Дальнего Востока. Чтобы раскрыть принципиальные подходы ученого к таким поездкам, приведем один пример. В летние месяцы 1915 г. профессор был в Китае. Вот что он отмечал: «По первоначальному плану этой поездки я предполагал ограничиться посещением трех-четырех важнейших приморских городов Северного и Среднего Китая – Шанхая, Нанкина, Пекина и Тяньцзина и, вслед за тем, отправиться в Японию». Однако указанную программу профессор подверг коренному изменению, как только убедился, что перечисленные выше пункты не дают еще полного представления о современной жизни даже той части Китая, которая служила ему предметом иссле-

дования. Он расширил маршрут таким образом, чтобы побывать в любопытных в историческом отношении городах Ханьчжоу, Учань, Ханьянь, а после Пекина и Тяньцзиня выехать в Южную и Северную Маньчжурию «для выяснения современного положения здесь Китая и деятельности Японии».

Избранный подход к организации научной командировки позволил Н.В. Кюнеру получить массу ценнейших впечатлений о стране, встретиться в Китае с выпускниками Восточного института, прочитать в Харбине серию научно-популярных лекций и ознакомиться с уникальными документами, на систематизацию и научную обработку которых потребовалось более полутора лет. В результате появились опубликованные статьи («Мирный захват китайцами европейских поселений в Шанхае», «Охрана памятников старины в Китае», «Борьба против наводнений в Китае». «Современное социальное движение в Китае») и подготовленный к печати подробный отчет и несколько материалов («Хлопководство и хлопчатобумажная промышленность в Китае», «Сельскохозяйственное образование в Китае и Японии», «Губернаторские отчеты о состоянии провинций в Китае» и др.).

Совершенно не случайно коллеги отмечали: сконцентрированный Кюнером «обширный материал значительно облегчает исследовательскую работу в будущем как для него самого, так и других исследователей» [2, с. 0190]. Да и сам Н.В. Кюнер в письме В.М. Алексею в 1923 г. признавал: «... пробыв здесь, на Дальнем Востоке 20 лет, собрав обширный материал по его изучению, я ощущаю ... потребность возвратиться в центр и там продолжить работу по использованию всего этого материала и опубликованию моих ... трудов» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, далее – ПФА РАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 465. Л. 2об.). После отъезда из Владивостока в 1925 г. Н.В. Кюнер еще три десятка лет трудился в Ленинграде. Используя источники, собранные в дальневосточный период деятельности, он подготовил немало изданий.

Успешная сдача магистерского экзамена активизировала усилия Н.В. Кюнера, направленные на получение магистерской степени. Студент Восточного института Ипполит Баранов вспоминал: «Когда я учился на первом курсе [1907/1908 уч. год], профессор готовился к защите своей диссертации и читал нам главным образом о Тибете, а в конце года о Маньчжурии. По остальной программе географии и этногра-

фии Китая он предложил нам подготовиться к сдаче экзамена, пользуясь его пособиями и картой Матусовского» [1, с. 80].

По правилам, действовавшим в начале XX в., на защиту представлялся опубликованный труд. В течение двух лет молодой исследователь издал «Описание Тибета» [20], включавшее обзор существовавших в европейской и российской литературе данных по географии и этнографии, политической, экономической и культурной жизни Тибета. Как правило, труды подобного рода готовились коллективом авторов, Кюннер же сумел сделать это один. Даже сегодня поражает масштабность его предварительной работы по изучению и систематизации огромнейшего материала, по его типографскому оформлению. Объем изданного текста диссертации с сюжетами на европейских и восточных языках превышал 1200 страниц (по подсчетам Кюннера даже больше – 1500 страниц) и состоял из двух частей (восьми выпусков). Положение к диссертации имело 11 тезисов и уместилось на двух типографских страничках (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10288. Л. 5–5об.). Восточный факультет Санкт-Петербургского университета определил дату и время проведения диспута по диссертации Николая Васильевича Кюннера: воскресенье, 25 октября 1909 г. в 1 час дня; он же назначил официальных оппонентов по диссертации: ординарного профессора В.В. Бартольда и приват-доцента П.И. Иванова.

На заседании присутствовало много гражданских и военных лиц. Защита явилась хорошей научной школой для молодого ученого. Соискатель произнес краткую вступительную речь, которая произвела впечатление «своим скромным тоном» и «значительной научной эрудицией» [4]. В целом оппоненты дали высокую оценку исследованию, отметили, что выполненное исследование вносит вклад в отечественную и мировую науку, а автору дает «полное право на благодарность специалистов»; что при написании диссертации автором была проявлена «выдающаяся работоспособность», «редкий научный энтузиазм», «обширная эрудиция» [2, с. 0178, 0190]. Вместе с тем прозвучало немало замечаний, в том числе: недостаточно критическое отношение к историческим источникам и литературе; встречающиеся заимствования, повторения от своего имени чужих идей и трактовок; имеющиеся в тексте смысловые противоречия, неточности и ошибки; корректурные недосмотры и опечатки, допущенные по причине поспешности [2, с. 0178,

0179, 0181 и др.]. Молодой ученый постарался ответить на замечания. В журнале публичного собрания сохранилась итоговая запись: «Защитение диссертации признано удовлетворительным, определено удостоить Н.В. Кюннера степени магистра истории Востока и представить об этом Совету университета». Документ подписали декан факультета восточных языков В.А. Жуковский, профессора Н.И. Веселовский, Н.Я. Марр и другие (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15800. Л. 1).

Рассмотренные сюжеты научной карьеры Кюннера-историка позволяют сделать вывод об основательности и глубине его исследовательской работы. Благодаря изучению многих вопросов непосредственно на месте – в Китае, Японии, Корее, в странах Западной Европы и в России, – научные труды Н.В. Кюннера приобрели особую ценность и колорит.

Преподавательская деятельность

Н.В. Кюннера во Владивостоке

Кафедра, которую поручили Николаю Васильевичу Кюннеру в Восточном институте во Владивостоке, являлась совершенно новой, весьма непростой по спектру закрепленных за ней дисциплин: на первом курсе – общий курс географии и этнографии Китая, Кореи и Японии, общий обзор их политического устройства и религиозного быта (три лекции в неделю); на втором и третьем курсах – Новейшая история (XIX в.) Китая, Кореи и Японии в контексте взаимоотношений России с этими странами (три лекции в неделю); на четвертом курсе – история торговли Дальнего Востока и коммерческая география Восточной Азии (две лекции в неделю). Вся нагрузка падала на плечи одного профессора.

Официально преподавательскую деятельность в Восточном институте Николай Васильевич Кюннер открыл 23 ноября 1902 г. вступительной лекцией на тему «Взгляд на современное состояние европейской литературы, в частности географической, о Дальнем Востоке» [12]. К началу своего первого учебного года (1902/1903) он представил программы курсов по Новейшей истории Китая, Кореи, Японии [23]; Общей географии и этнографии этих же стран [24]; Коммерческой географии Китая, Кореи, Японии [22], а позже их значительно переработал [21]. Известно, что ни одна из указанных дисциплин ранее не была предметом изучения в учебных заведениях не только России, но и Европы (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 93. Л. 102–102об.). Подготовка и практически еже-

годное усовершенствование программ учебных дисциплин и лекций к ним [13; 15; 16; 17; 18; 19 и др.] сопровождалось неимоверными трудностями и требовали длительного напряженного труда. Не случайно уже в августе 1905 г. директор Восточного института в телеграмме в министерство подчеркивал «выдающиеся заслуги Кюнера по разработке предметов кафедры» (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 94. Л. 315).

Опыт нескольких лет трудовой деятельности привел руководителя кафедры к неутешительному заключению: «Соединение... в руках одного профессора преподавания трех предметов – географии и этнографии, коммерческой географии и истории стран Дальнего Востока возлагает на него невыполнимую задачу специализации в трех весьма различных научных областях ... в ущерб надлежащей всесторонней разработки каждого из указанных предметов» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 7). Возникшая ситуация фиксировалась и с внешней стороны. Так, в 1909 г. в рецензии на опубликованное Н.В. Кюнером диссертационное исследование прямо указывалось, что «из многих мест его книги» видно, что он «не является специалистом ни в области географической, ни в области этнографической науки» [2, с. 0178, 0179, 0190]. По сути дела, молодой историк оказался заложником всемерной экономии государственных средств при формировании кафедральной структуры востоковедческого вуза во Владивостоке.

Со временем Кюнер приходит к убеждению: преподавание каждой дисциплины «требует различных знаний и подготовки помимо специального ориентального образования» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 7). «В числе предметов, порученных ныне ... профессору историко-географических наук, имеется коммерческая география, которая по самому существу и основным задачам не вяжется со специальностью историка, требуя себе к тому совершенно особой коммерческой подготовки знаний». Из чего следовал вывод, что «надлежит передать чтение этого предмета преподавателю коммерческих наук, который сумеет придать ему более отвечающее коммерческим особенностям освещение и коммерческую пригодность» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 8).

Для наилучшей постановки ведения географии и этнографии стран Дальнего Востока, по мнению Кюнера, его следовало поручить «заботам особого приват-доцента, естественника по образованию, ... интересующегося Дальним

Востоком». В таком случае преподавание истории было бы «оставлено в руках существующего профессора, являющегося благодаря знанию восточных языков более подходящим лицом для работы над историческими памятниками и материалами» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 7, 7об.).

Данные соображения Н.В. Кюнера, высказанные им в «Записке» от 18 ноября 1906 г., напрямую касались идеи разделения историко-географической кафедры, но в течение десяти лет она не нашла практического применения. В «Докладной записке о назревших нуждах Восточного института...» (январь 1916 г.), направленной с согласия Приамурского генерал-губернатора в министерство народного просвещения Российской империи, обосновывалась давно назревшая необходимость из кафедры, руководимой профессором Н.В. Кюнером, организовать две совершенно самостоятельные кафедры: истории Дальнего Востока с одной стороны, и географии и этнографии – с другой [3, с. 6, 9, 10]. Интересно, что в ноябре того же года на заседании комиссии по пересмотру указанной выше «Докладной записки...» было решено возбудить ходатайство об учреждении на базе историко-географической кафедры уже не двух, а трех кафедр: истории, этнографии и географии (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 471. Л. 114, 114об.). В этой связи подчеркнем важную деталь: в заседаниях комиссии принимал участие специально командированный во Владивосток А.М. Позднеев, член комитета министра народного просвещения, бывший директор Восточного института, один из разработчиков проекта этого вуза в 1898–1899 гг. Он признал предложение вполне оправданным, что свидетельствовало о его согласии с тем, что на Николая Васильевича Кюнера в начале его профессорской карьеры была возложена непомерно тяжелая преподавательская ноша, которую он добросовестно нес в течение двух десятилетий. В 1920 г. в составе восточного факультета Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке была создана кафедра истории Дальнего Востока. Возглавил ее Николай Васильевич Кюнер.

Вместе с тем идея разделения историко-географической кафедры говорила о развитии данной структуры университета. Ее руководитель не только систематически дополнял и обновлял содержание лекционного материала, но и по-новому его структурировал. Объем материала не вмещался в отводимые лекционные часы.

«Желательно было бы, – замечал Н.В. Кюннер, – увеличить существующее число лекций по географии и этнографии», что позволило бы «исчерпать оба предмета с большей полнотой и основательностью» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 8об.).

Доказывая целесообразность увеличения количества аудиторных занятий по истории стран Дальнего Востока, профессор приводил убедительные аргументы: достаточно полные знания студентов-востоковедов «немыслимы без надлежащего знакомства с историческим прошлым этих стран, создавшим в конечном итоге те политические, общественные и вообще культурные формы, которые играют значительную роль в новейшей истории Китая, Кореи и Японии и с которыми приходится считаться поныне европейским державам в их стремлении утвердить свое политическое влияние в Восточной Азии». Учитывая особую роль китайской цивилизации, такому важному предмету, как история культуры Дальнего Востока (в частности китайской), как подчеркивал Н.В. Кюннер, следует отвести «не менее двух лекций в неделю в добавление к существующим трем лекциям по Новейшей политической истории стран Дальнего Востока и сношений их с иностранцами, для выяснения вопроса постепенного вытеснения или ослабления китайскою культурою, или политического влияния в Японии и Корее и связанных с этим переворотами, равно как борьбы европейской и китайской цивилизации в самом Китае» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 7об., 8). Так как «главными пионерами европейской цивилизации явились купцы, а торговые интересы давали содержание и направление всем действиям и мероприятиям европейских держав на Дальнем Востоке, пока не сменились в последних десятилетиях строго политическими соображениями и целями, то профессор-историк может уделить часть времени (... один час в неделю) и предмету истории торговых сношений и вообще истории торговли Дальнего Востока» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 8).

23 ноября 1911 г. появилась «Докладная записка профессора Н.В. Кюннера о расширении программ преподавания по курсу историко-географических наук». Из всех положений документа остановимся на одном – на внимании профессора к Восточно-Азиатской России, охарактеризованной как обширная и своеобразная страна, представляющая собой «целый самобытный физический мир, лишь политически и экономически связанный с другими областями

Азиатской же России» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 234. Л. 23). Отношение Николая Васильевича Кюннера к этой земле хорошо видно из его писем к В.В. Бартольд: «Сибирь ... это страна будущего и я, всякий раз, когда проезжаю по ней, искренне восторгаюсь ее необъятными просторами, разнообразными богатствами... Сибирь для меня иногда даже интереснее Китая. <...> Современная действительность Сибири неказиста, особенно в городах, но в коренной России она немногим лучше» (ПФАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 131. Л. 6, 7). Это были впечатления заинтересованного ученого, историка. Когда в 1918 г. вопрос о развитии сибиреведения перешел в практическую плоскость, Н.В. Кюннер высказал свою принципиальную деловую позицию: «Я всецело приветствую идею создания института или иного научного практического учреждения по исследованию Сибири, ... лично готов служить будущему институту по исследованию Сибири всеми собранными у меня научными [материалами]» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 556. Л. 12).

Николай Васильевич Кюннер первым в стране начал вести занятия по истории и географии Сибири. Это произошло в 1918/1919 учебном году в рамках частного историко-филологического факультета во Владивостоке. Его лекции вызвали несомненный интерес. Их записали и издали слушатели курса [16]. Указанные факты следует расценивать как доказательства правомерности внимания Кюннера к истории Сибири, официально зафиксированного в 1911 г.

Для успешности службы в Сибири необходимо было хорошо знать данную территорию и «различные населяющие ее народности, словом, знать те географические условия, которые ее отличают, и те культурно-бытовые и экономические формы, которые в ней наблюдаются» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 234. Л. 23). По мнению профессора, «необходимо быть близко знакомым» с прошлым Восточно-Азиатской России, так как оно касалось исторических событий, связанных с присоединением этого края к России и постепенным заселением его русскими людьми. Однако общение в учебных аудиториях Восточного института показывало, что студенты и офицеры-слушатели обладали лишь случайными и отрывочными знаниями по истории, географии, этнографии родного края, Восточной Сибири. Публикаций по данной тематике было крайне мало. Когда же выпускники поступали на службу, им приходилось «спешно восполнять» пробелы учебной программы пу-

тем усиленного чтения или наблюдения и исследования (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 234. Л. 23об.).

Во избежание этого нежелательного явления Н.В. Кюнер предлагал предусмотреть в программе Восточного института три новых курса. Во-первых, географию (физическую) и этнографию Восточной Сибири и соседних областей Китайской империи – для более наглядного выяснения их отношения к прилегающим частям русской территории. Во-вторых, экономическую географию Восточной Сибири с попутными указаниями на экономические условия в остальной Сибири и выяснением существующей экономической зависимости Восточной Сибири от определенных областей Китая. В-третьих, историю Восточной Сибири со специальным разделом «Истории русской колонизации в Восточной Сибири». Этот вопрос, считал Н.В. Кюнер, является «основным вопросом русской государственной политики в этой части русской территории и залогом прочного утверждения здесь русской национальной мощи. Рассмотрение этого вопроса в историческом порядке развития его в прошлом даст возможность правильного разрешения его в будущем» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 234. Л. 24).

9 июля 1916 г. увидела свет «Записка профессора Н.В. Кюнера о желательных изменениях в существующей постановке преподавания общей географии и этнографии, экономической географии и истории стран Дальнего Востока». Начиналась она словами: «Почти 14-летний опыт моего преподавания в Институте наглядно обнаружил существенные недочеты установленного плана преподавания вышеназванных учебных курсов⁷» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 187). По его мнению, цели изучения курсов распадались на две, а именно «на усвоение учащимися запаса фактических знаний с наилучшими приемами их критической проверки и анализа» и на «приобретение навыка быстро ориентироваться в массе литературного материала и применять усвоенные знания в практических целях». Значит, преподавание должно было делиться на теоретическую часть и практическую часть, «наглядно обучающую учащихся применению знаний в практических

целях». Профессор Кюнер доказывал необходимость организации по каждому курсу историко-географических наук регулярных практических занятий, на которых можно было бы заслушивать студенческие рефераты по избранному и согласованному с преподавателем темам (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 187об.).

Не менее важным являлось другое предложение опытного профессора – ввести спецкурсы по географическим и историческим предметам в качестве дополнения к общим курсам (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 188). Н.В. Кюнер прекрасно знал, что «общие курсы по истории и географии Дальнего Востока сообщают минимум сведений для всех изучающих восточные науки в Восточном институте вне зависимости от специальности». К тому же «сведения сообщаются преимущественно по Китаю», поскольку знание Китая и китайского языка было обязательным для студентов всех отделений данного вуза. При таком подходе получалось, что те, кто специализировался по Корее, Японии, Монголии и т. д., получали по своим странам недостаточное знание. Включить их в общие курсы означало чрезмерно обременить деталями слушателей других отделений и требовало дополнительных учебных часов.

Н.В. Кюнер предлагал на каждом отделении читать как минимум два спецкурса объемом один-два часа в неделю: один – по общей и экономической географии и второй – по этнографии и новейшей истории той страны, язык которой изучался на данном отделении (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 188).

В развитие идеи специальных курсов осенью 1916 г. Н.В. Кюнер пишет еще одну докладную записку (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 185–185об.). Он делает акцент на недостаточном внимании к краеведению, к Приамурскому краю и Маньчжурии. На этих территориях проживало много китайцев и корейцев, в своем большинстве принадлежавших к тунгусской ветви монгольской расы. Видимо, поэтому Кюнер предлагает включить в число изучаемых восточных языков различные тунгусские наречия, в том числе маньчжурского языка как единственного культурного из тунгусских наречий; вместо китайско-монгольского отделения может быть создано новое отделение – отделение краеведения или, по определению Н.В. Кюнера, «отделение окраинное».

С позиций сегодняшнего дня весьма интересен взгляд Николая Васильевича Кюнера на круг предметов для изучения на окраинном отделе-

⁷ Такой план для Восточного института был установлен в «Положении о Восточном институте». Внести изменения в перечень читаемых дисциплин и в количество отводимых на него часов можно было только с разрешения министерства народного просвещения.

нии: китайский язык как обязательный предмет, тунгусские наречия (в том числе маньчжурский и корейский языки), общий курс истории Китая, специальный курс по истории Маньчжурии и Приамурья, курс географии этих же территорий, этнографию Приамурья и Маньчжурии с блоком материала о религиозном быте инородцев – шаманстве, административное устройство Приамурья и Маньчжурии, их экономическую географию. В предлагаемом курсе «Русская колонизация Приамурья» следовало дать материал с исторической и с культурно-экономической точек зрения, сопроводив его сравнением с китайской колонизацией Маньчжурии.

Итак, Н.В. Кюнер, с 1902 г. исполняющий должность профессора, а с 1910 г. профессор кафедры историко-географических наук, не только разрабатывал и совершенствовал программы по порученным ему вузовским курсам, но и обеспечивал их лекциями, учебниками и учебными пособиями. Опираясь на накопленный опыт, он в течение 1906–1916 гг. неоднократно озвучивал идеи по улучшению подготовки востоковедов. Часть его предложений получила претворение сразу после 1917 г. Многие идеи Н.В. Кюнера (практические занятия, семинары, спецкурсы, краеведческий компонент и др.) являются неотъемлемой частью современного учебного процесса в вузах Дальнего Востока России.

В заключении отметим, что ученики и коллеги первого историка-профессора на Дальнем Востоке давали высокую оценку его профессиональной деятельности. Уже в самом начале XX столетия первые студенты молодого востоковедческого вуза отмечали Николая Васильевича Кюнера, как «лицо с задатками профессора и ученого» (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 95. Л.

114). Ипполит Баранов, выпускник Восточного института 1911 г., в воспоминаниях подчеркивал, что «всегда с чувством глубокого уважения и благодарности вспоминал своего учителя», что «лекции Николая Васильевича Кюнера по всем его предметам пользовались популярностью. Тогда он еще не страдал глухотой, которая стала замечаться у него впоследствии. Он выглядел совсем молодым, энергичным. На лекции приходил одетым в форменный сюртук. За кафедру не садился, читал свой курс стоя, оживленно, изредка заглядывая в свои записи». Кюнер тщательно проводил экзамены, «не упуская разных мелочей программы». Студенты знали, что этот профессор – труженик науки, преданный своему делу [1, с. 80, 82].

В 1924 г. в Государственный Дальневосточный университет во Владивостоке поступил учиться будущий академик-китаевед М.И. Сладковский. Он застал Н.В. Кюнера «крупнейшим знатоком истории и географии стран Дальнего Востока. На его лекции приходили студенты не только восточного, но и других факультетов, а также преподаватели и вольнослушатели – военные, учителя и др.». Проводимые в университете учебные занятия оставили, по признанию М.И. Сладковского, «неизгладимый след». Именно они «положили начало осознанному восприятию... всей той обширной и богатой области человеческих знаний, которая именуется китаеведением» [29, с. 44, 45].

Николай Васильевич Кюнер стал профессором-историком по призванию, по увлечению, по высочайшему профессионализму и работоспособности. Его деятельность, его инициативы оказали значительное влияние на развитие исторического образования на российском Дальнем Востоке.

The image shows a handwritten signature in black ink on a light-colored background. The signature is written in a cursive, somewhat stylized script. It reads 'Д-р проф. Н. В. Кюнер.' (Dr. Prof. N. V. Kjuner). The signature is written in a single line, with the first part 'Д-р проф.' on the left and 'Н. В. Кюнер.' on the right, separated by a period.

Рис. 3. Автограф профессора Н.В. Кюнера. 7 ноября 1922 г.

27 апреля 1925.

Многоуважаемый
 Василий Владимирович! 15
 17

Это письмо дошло до нас лишь напрошлом
 году при пода назад, как только всема
 новинное событие между Владивостоком
 и Ленинградом; но все же долго переписка
 в ~~на~~ течение у меня невообразимое
 столько всего, о чем мне хотелось поговорить
 с вами лично, но так не случилось всего,
 не решился написать сразу и отложил
 письмо до личного свидания, которое, как я
 надеюсь, состоится в первом же году
 (1923-), куда мне уже обещана командировка
 в Ленинград. Но прошло 3 года,
 и у меня все еще здесь с непонятными
 причинами в том, как доселе не успе-
 ных посетить в Ленинград и познакомиться
 поближе и надеюсь познакомиться Ро-
 мандировкой или другим способом осу-
 ществить поездку (так как по условиям
 моего задания мне ^{не} дается ^{на} про-
 дление с семьей, то на личные средства

Рис. 4. Письмо Н.В. Кюнера из Владивостока В.В. Бартольду. Апрель 1925 г.

Источник: ПФАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 131. Л. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов И.Г. Четыре года в Восточном институте (1907–1911) // Воспоминания о Восточном институте / авт.-сост. А.А. Хисамутдинов, Г.П. Турмов. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 30–163.
2. В. Б[артольд]. Рец. на: Н.В. Кюнер. «Описание Тибета...» // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1909. Т. 19. С. 0177–0190.
3. Докладная записка о назревших нуждах Восточного института в связи с вопросом о его реорганизации. Владивосток: Издание и печать Восточного института, 1916.
4. Защита магистерской диссертации Н.В. Кюнера // Далекая окраина. 1909. 17 ноября.
5. Заседание Конференции Восточного института 23 февраля 1900 г. // Известия Восточного института. 1900. Т. I. Вып. 1. С. LIV–LV.
6. Заседание Конференции Восточного института 11 ноября 1900 г. // Известия Восточного института. 1901. Т. II. Вып. 3. С. 188–189.
7. Заседание Конференции Восточного института 20 февраля 1901 г. // Известия Восточного института. 1901. Т. II. Вып. 3. С. 213–214.
8. Заседание Конференции Восточного института 1 мая 1902 г. // Известия Восточного института. 1901. Т. III. Вып. 5. С. 175–177.
9. Зенина Л.В. Н.В. Кюнер — историк Дальнего Востока // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. I. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. С. 81–87.
10. Зенина Л.В. Ученый, учитель, гражданин (120 лет со дня рождения Н.В. Кюнера). Краткие вехи биографии // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы междунар. конф., посвящ. столетию корееведения в Санкт-Петербургском университете. 14–16 октября 1997 г. СПб., 1997. С. 8–18.
11. Кларк Ф.Е. Великая Сибирская железная дорога. Что я увидел во время поездки [1900 г.]. Владивосток: Валентин, 2016.
12. Кюнер Н.В. Взгляд на современное состояние европейской литературы, в частности географической, о Дальнем Востоке (Вступительная лекция, произнесенная в Восточном институте 23-го ноября 1902 г.). Владивосток: паровая типо-лит. газ. «Дальний Восток», 1903.
13. Кюнер Н.В. Дальний Восток и Приамурский край за минувшие 20 лет в связи с развитием деятельности Восточного института (Речь, произнесенная на торжественном акте по случаю 20-летия со дня основания Восточного института 3 ноября 1919 г.). Владивосток: Издание Восточного института, 1920.
14. Кюнер Н.В. Историко-географический очерк Японии. Рукопись. 1899.
15. Кюнер Н.В. Исторический очерк развития основ китайской материальной и духовной культуры, в связи с выяснением роли последней в жизни других народов на Дальнем Востоке. Ч. 1. Владивосток: типо-лит. Восточного института, 1909.
16. Кюнер Н.В. Лекции по истории и географии Сибири. Курс, читанный на историко-филологическом факультете во Владивостоке в 1918–1919 ак. г. Владивосток: Издание слушателей историко-филологического факультета, 1918.
17. Кюнер Н.В. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры, читанные на 2-м курсе в Восточном институте. Владивосток: Изд. Н.В. Репина, 1921.
18. Кюнер Н.В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ч. 1. Владивосток: типография Восточного института, 1912.
19. Кюнер Н.В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Курс лекций, читанный студентам Восточного института в 1907–1908 ак. г. Ч. 1. Владивосток: С. Спиридович, 1909.
20. Кюнер Н.В. Описание Тибета. В 2-х ч. Владивосток, 1907–1908.
21. Кюнер Н.В. Программы преподавания в Восточном институте. I. По общему курсу географии и этнографии Китая, Кореи и Японии. II. По новейшей (XIX века) истории Китая, Кореи и Японии в связи с историей сношений России с этими странами. III. По коммерческой географии Восточной Азии и истории торговли Дальнего Востока. Владивосток. 1913.
22. Обзорение преподавания по курсу Коммерческой географии Китая, Кореи и Японии на 1902–1903 академический год, составленное и.д. профессора Н.В. Кюнером. Для студентов IV курса // Известия Восточного института. 1902. Т. III. Вып. 5. С. 227–230.
23. Обзорение преподавания по Новейшей истории Китая, Кореи и Японии на 1902–1903 академический год, составленное и.д. профессора Н.В. Кюнером. Для студентов II и III курсов // Известия Восточного института. 1902. Т. III. Вып. 5. С. 230–242.
24. Обзорение преподавания по Общему курсу географии и этнографии Китая, Кореи и Японии на 1902–1903 академический год, составленное и.д. профессора Н.В. Кюнером. Для студентов I курса // Известия Восточного института. 1902. Т. III. Вып. 5. С. 223–227.
25. Правительственный вестник. 1902. 24 октября.

26. Протоколы Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 1900. № 56.

27. Решетов А.М. Выдающийся востоковед-энциклопедист (к 125-летию со дня рождения Н.В. Кюнера) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 11. С. 163–169.

28. Решетов А.М. Основные этапы жизни и научной деятельности профессора Н.В. Кюнера // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 108–123.

29. Сладковский М.И. На восточном факультете Государственного Дальневосточного университета // Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Наука. 1984. С. 39–57.

30. Чеснокова Н.А. Н.В. Кюнер (1877–1955): «Корея во второй половине XVIII века». Неопубликованная машинопись // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 24–37.

REFERENCES

1. Baranov, I.G., 2015. Chetyre goda v Vostochnom institute (1907–1911) [Four years at the Oriental Institute, 1907–1911]. In: Khisamutdinov, A.A. and Turmov, G.P. eds., 2015. Vospominaniya o Vostochnom institute. Vladivostok: Dalnevost. federal. un-t, pp. 30–163. (in Russ.)

2. V. B[artold], 1909. Rets. na: N.V. Kyuner. «Opisanie Tibeta...» [Review of N.V. Kyuner's «Opisanie Tibeta...»], Zapiski vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva, Vol. 19, pp. 0177–0190. (in Russ.)

3. Dokladnaya zapiska o nazrevshikh nuzhdakh Vostochnogo instituta v svyazi s voprosom o ego reorganizatsii [Report on the urgent needs of the Oriental Institute in connection with the issue of its reorganization]. Vladivostok: Izdanie i pechat' Vostochnogo instituta, 1916. (in Russ.)

4. Zashchita masterskoi dissertatsii N.V. Kyunera [Defense of master's thesis of N.V. Kyuner], Dalekaya okraina, 1909, November 17. (in Russ.)

5. Zasedanie Konferentsii Vostochnogo instituta 23 fevralya 1900 g. [Meeting of the Oriental Institute Conference, February 23, 1900], Izvestiya Vostochnogo instituta, 1900, Vol. I, no. 1, pp. LIV–LV. (in Russ.)

6. Zasedanie Konferentsii Vostochnogo instituta 11 noyabrya 1900 g. [Meeting of the Oriental Institute Conference, November 11, 1900], Izvestiya Vostochnogo instituta, 1901, Vol. II, no. 3, pp. 188–189. (in Russ.)

7. Zasedanie Konferentsii Vostochnogo instituta 20 fevralya 1901 g. [Meeting of the Oriental Institute Conference, February 20, 1901], Izvestiya Vostochnogo instituta, 1901, Vol. II, no. 3, pp. 213–214. (in Russ.)

8. Zasedanie Konferentsii Vostochnogo instituta 1 maya 1902 g. [Meeting of the Oriental Institute Conference, May 1, 1902], Izvestiya Vostochnogo instituta, 1901, Vol. III, no. 5, pp. 175–177. (in Russ.)

9. Zenina, L.V., 1962. N.V. Kyuner — istorik Dalnego Vostoka [N.V. Kyuner, a historian of Far Eastern countries]. In: Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta. T. I. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, pp. 81–87. (in Russ.)

10. Zenina, L.V., 1997. Uchenyi, uchitel', grazhdanin (120 let so dnya rozhdeniya N.V. Kyunera). Kratkie vekhi biografii [Scientist, teacher, citizen (120th anniversary of N.V. Kyuner). Brief biographical milestones]. In: 100 let peterburgskomu koreevedeniyu. Materialy mezhdunar. konf., posvyashch. stoletiyu koreevedeniya v Sankt-Peterburgskom universitete. 14–16 oktyabrya 1997 g. Sankt-Peterburg, pp. 8–18. (in Russ.)

11. Clark, F.E., 2016. Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga. Chto ya uvidel vo vremya poyezdki [1900 g.] [The Great Siberian Railway. What I saw on my journey (1900)]. Vladivostok: Valentin. (in Russ.)

12. Kyuner, N.V., 1903. Vzglyad na sovremennoe sostoyanie evropeiskoi literatury, v chastnosti geograficheskoi, o Dalnem Vostoke (Vstupitelnaya lektsiya, proiznesennaya v Vostochnom institute 23-go noyabrya 1902 g.) [A glance at the current European literature, in particular in geography, about the Far East (An introductory lecture delivered at the Oriental Institute on November 23, 1902)]. Vladivostok: parovaya tipo-lit. gaz. «Dalniy Vostok». (in Russ.)

13. Kyuner, N.V., 1920. Dalniy Vostok i Priamurskiy kraj za minuvshie 20 let v svyazi s razvitiyem deyatel'nosti Vostochnogo instituta (Rech, proiznesennaya na torzhestvennom akte po sluchayu 20-letiya so dnya osnovaniya Vostochnogo instituta 3 noyabrya 1919 g.) [Russian Far East and the Amur Region for the past 20 years in connection with the activities of the Oriental Institute (A speech delivered at the celebration of the 20th anniversary of the Oriental Institute on November 3, 1919)]. Vladivostok: Izdaniye Vostochnogo instituta.

14. Kyuner, N.V., 1899. Istoriko-geograficheskiy ocherk Yaponii. Rukopis [Historical and geographical essay of Japan. A manuscript]. (in Russ.)

15. Kyuner, N.V., 1909. Istoricheskiy ocherk razvitiya osnov kitaiskoi materialnoi i dukhovnoi kultury, v svyazi s vyyasneniem roli poslednei v zhizni drugih narodov na Dalnem Vostoke. Ch. 1. [A historical sketch of the development of the foundations of Chinese material and spiritual culture, in connection with the role of the latter in the life of

other peoples of the Far East. Part 1]. Vladivostok: tipo-lit. Vostochnogo instituta. (in Russ.)

16. Kyuner, N.V., 1918. Lektsii po istorii i geografii Sibiri. Kurs, chitanniy na istoriko-filologicheskom fakultete vo Vladivostoke v 1918–1919 ak. g. [Lectures on the history and geography of Siberia. The course taught at the Faculty of History and Philology in Vladivostok in 1918–1919 academic year]. Vladivostok: Izdanie slushatelei istoriko-filologicheskogo fakulteta. (in Russ.)

17. Kyuner, N.V., 1921. Lektsii po istorii razvitiya glavneishikh osnov kitaiskoi materialnoi i dukhovnoi kultury, chitannye na 2-m kurse v Vostochnom institute [Lectures on the history of the development of the main foundations of Chinese material and spiritual culture, delivered for the 2nd year students of the Oriental Institute]. Vladivostok: Izd. N.V. Repina. (in Russ.)

18. Kyuner, N.V., 1912. Noveishaya istoriya stran Dalnego Vostoka [Modern history of the Far Eastern countries]. Vladivostok: tipografiya Vostochnogo instituta. (in Russ.)

19. Kyuner, N.V., 1909. Noveishaya istoriya stran Dalnego Vostoka. Kurs leksiy, chitanniy studentam Vostochnogo instituta v 1907–1908 ak. g. Ch.1. [Modern history of the Far Eastern countries. The course of lectures, delivered for the students of the Oriental Institute in 1907–1908 academic year. Part 1]. Vladivostok: S. Spiridovich. (in Russ.)

20. Kyuner, N.V., 1907–1908. Opisanie Tibeta. V 2-kh ch. [Description of Tibet. In 2 parts]. Vladivostok. (in Russ.)

21. Kyuner, N.V., 1913. Programmy prepodavaniya v Vostochnom institute. I. Po obshchemu kursu geografii i etnografii Kitaya, Korei i Yaponii, II. Po noveyshei (XIX veka) istorii Kitaya, Korei i Yaponii v svyazi s istoriei snoshenii Rossii s etimi stranami, III. Po kommercheskoi geografii Vostochnoi Azii i istorii trgovli Dalnego Vostoka [Teaching programs of the Oriental Institute. I. General course of geography and ethnography of China, Korea and Japan. II. Modern (XIXth century) history of China, Korea and Japan in connection with the history of relations with Russia. III. Commercial geography of East Asia and the history of Far Eastern trade]. Vladivostok. (in Russ.)

22. Kyuner, N.V., 1902. Obozrenie prepodavaniya po kursu Kommercheskoi geografii Kitaya, Korei

i Yaponii na 1902–1903 akademicheskii god. Dlya studentov IV kursa [A review of the course in commercial geography of China, Korea and Japan for the 1902–1903 academic year. For the 4th year students], Izvestiya Vostochnogo instituta, Vol. III, no. 5, pp. 227–230. (in Russ.)

23. Kyuner, N.V., 1902. Obozrenie prepodavaniya po Noveishei istorii Kitaya, Korei i Yaponii na 1902–1903 akademicheskii god. Dlya studentov II i III kursov [A review of the course in modern history of China, Korea and Japan for the 1902–1903 academic year. For the 2nd and 3rd year students], Izvestiya Vostochnogo instituta, Vol. III, no. 5, pp. 230–242. (in Russ.)

24. Kyuner, N.V., 1902. Obozrenie prepodavaniya po Obshchemu kursu geografii i etnografii Kitaya, Korei i Yaponii na 1902–1903 akademicheskii god. Dlya studentov I kursa [A review of the general course in geography and ethnography of China, Korea and Japan for the 1902–1903 academic year. For the 1st year students], Izvestiya Vostochnogo instituta, Vol. III, no. 5, pp. 223–227. (in Russ.)

25. Pravitelstvennyi vestnik, 1902, October 24.

26. Protokoly Soveta Imperstorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta [Protocols of the Council of the Imperial St. Petersburg University]. 1900. № 56. (in Russ.)

27. Reshetov, A.M., 2002. Vydayushchiysya vostokoved-entsiklopedist (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya N.V. Kyunera) [An outstanding Orientalist (on the 125th anniversary of N.V. Kyuner)], Problemy Dalnego Vostoka, no. 11, pp. 163–169. (in Russ.)

28. Reshetov, A.M., 2001. Osnovnye etapy zhizni i nauchnoi deyatel'nosti professora N.V. Kyunera [The main stages of life and research of Professor N.V. Kyuner]. In: Nemtsy v Rossii. Rossiisko-nemetskii dialog. Sankt-Peterburg, pp. 108–123. (in Russ.)

29. Sladkovskiy, M.I., 1984. Na vostochnom fakul'tete Gosudarstvennogo Dalnevostochnogo universiteta [At the Oriental faculty of the State Far Eastern University]. In: Znakomstvo s Kitaem i kitaitkami. Moskva: Nauka, pp. 39–57. (in Russ.)

30. Chesnokova, N.A., 2018. N.V. Kyuner (1877–1955): «Koreya vo vtoroi polovine XVIII veka». Neopublikovannaya mashinopis' [N.V. Kyuner (1877–1955): «Korea in the second half of the XVIIIth century. An unpublished typescript], Vestnik arkhivista, no. 1, pp. 24–37. (in Russ.)